

ПСИХОАНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ

Аддикция (алкогольная): попытка метапсихологического осмысления

А. И. Коротецкая

Коротецкая Аурелия Ивановна – психоаналитик, психиатр, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член IPSO им. П. Марти, член Московской психоаналитической ассоциации. Проректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Представлены взгляд на алкогольную зависимость как проявление нарциссического расстройства и попытка «самолечения» как способ справиться с нарциссическими страданиями. Указано, как объясняются данные нарушения с точки зрения второй теории влечений Фрейда.

Ключевые слова: зависимость, алкогольная зависимость, нарциссизм, расстройство, влечения, З. Фрейд.

Нарциссические нарушения становятся главными переживаниями, с которыми обращаются к психоаналитику в последние годы. Существуют разные подходы к данным расстройствам, как и многочисленные клинические формы их проявления, в том числе – многочисленные зависимости. Зависимости, в том числе алкоголизм, становятся все более сложной, едва ли преодолимой проблемой нашего общества. При этом в психоаналитических кругах сегодня нет никаких сомнений о многофакторном происхождении данных зависимостей.

Если обратимся к этимологии слова «аддикция» (зависимость), можно вспомнить значение латинского слова *addicere* – приговорить. В словаре Жака Андре находим следующее: «Уже само происхождение слова напоминает о порабощении, о теле, находящемся в рабстве обязанностей, с той отличительной особенностью, что раб и повелитель живут на этот раз вместе».

При зависимости желание ничем не отличается от нужды, от самой примитивной потребности.

Однако потребность, если она жизненно важная, витальная, характеризуется тем, что она проходит сразу же после получения удовлетворения; в то время как бутылка алкоголика становится бездонным колодецем.

Аддикция – это скорее настойчивая потребность, нежели нужда. Первоначальный смысл слова "требовать" – фискальный: настоятельно требовать принадлежащее по праву, что положено. Потребность при аддикции настойчива и претенциозна; она никогда не уменьшается, вместо убывания по мере удовлетворения она лишь еще больше возрастает. Тираническая и ненасытная, потребность превращает желания в приказы. Но кто отдает эти приказы? На первый взгляд – тело, клетка, жаждущая утолить потребность, к примеру, в алкоголе. А на деле – бессознательное. Оно является настоящим повелителем, будь оно переполнено тревогой или возбуждением.

Возможно, что первоначальным источником всех аддикций является зависимость от другого, которая настолько требовательна к присутствию другого, насколько неизбежны бесконечные разочарования другим, зависимость, заставляющая нас бесконечно повторять: "Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня?"»

Если мы сосредоточимся лишь на алкоголизме как заболевании, то опыт подсказывает нам, что мы можем говорить больше о «болезнях», потому что любая попытка представить причины возникновения и развития алкоголизма как некую единую для всех схему выглядит в лучшем случае карикатурно. Мы не можем говорить о некой причине или группе причин, могущих вызвать возникновение этого заболевания у людей, больше того, мы все знаем, как одно и то же событие – внешнее или внутреннее – может вести у разных людей к разным последствиям. Однако мы можем и обязаны понимать с точки зрения психоаналитической метапсихологии те процессы, которые устанавливаются в психическом аппарате больного алкоголизмом. Известно, что все они функционируют под императивным давлением навязчивого повторения, которое, если вспомнить вторую теорию влечений Фрейда, является выражением *par excellence* работы влечения к смерти, чем и объясняется тщетность многих терапевтических усилий. Тем более что сила давления этих влечений столь разнообразна при данной патологии, и мы сталкиваемся с реальностью следующего утверждения Алена де Мижола: «Не существует алкоголика как такового, иначе он был бы мертв, прежде чем жил».

Пытаясь понять функционирование алкоголика, мы неизменно сталкиваемся с выраженным расщеплением Я при данной патологии (о чем упоминал еще Фрейд) как с предпочтительным защитным у них механизмом. И в работе с ними мы находим два вида психофункционального, которые следуют друг за другом, либо пересекаются, либо каким-либо способом смешиваются, в зависимости от внешних факторов или от внутреннего давления, с которыми субъект вынужден справляться в своей жизни.

Клиницисты больше всего сталкиваются с тем, что можно назвать «алкогольным сектором Я». Однако ничего у алкоголиков не проявляется простым и однозначным способом, поскольку у них сосуществует так называемый «неалкогольный сектор Я» – своеобразная вторая, «теневая» область их психической территории. Это нельзя вообразить наподобие географической карты с четко обозначенными границами, больше это похоже на смесь двух жидкостей различной конденсации, находящихся в одном сосуде. В зависимости от силы встряхивания (извне или, что более значимо, – изнутри) эти жидкости могут смешиваться, проникать друг в друга или же при постоянном встряхивании могут создать новую взвесь из двух неоднородных изначально веществ, что и происходит иной раз при неблагоприятном течении алкоголизма, в такой взвеси жидкости столь тесно перемешаны, что отделить их друг от друга становится невозможным.

Ведь больные алкоголизмом, так же как и другие субъекты, перед требованиями внешнего мира или внутренним давлением оказываются способными на разные другие защиты – они прибегают к фантазированию (хоть оно и беднее, чем у других), к вытеснению, изоляции, аннулированию и др., однако, как по мановению ветра, они вдруг исчезают из поля нашего зрения, для того чтобы переместиться в другое измерение, где уже нет мира – ни внутреннего, ни внешнего, во всем их разнообразии, все конденсируется в один значимый объект – алкоголь, вокруг которого далее строится их единственный мир. Можно описывать алкоголиков в понятиях различного спектра пограничного функционирования, но, учитывая период, когда они к нам обычно обращаются, то вернее всего состояние их можно описать в понятиях первертного функционирования. Мы можем вспомнить, что Фрейд описывает этот универсальный защитный механизм (перверсия) именно как результат расщепления Я. Фрейд помещает возникновение данного механизма защиты в период решения фаллических, то есть связанных со вторичным нарциссизмом, задач. В его размышлениях шла речь о мальчике, который сталкивается с «реальностью» кастрации женщиной в период «последствия», следующий за угрозой, довлеющей над ним из-за его мастурбаторной активности, и многие приняли именно этот момент в развитии психики единственно ответственным за расщепление. Поэтому многие объяснения перверсии как психического феномена вновь обращают нас к моменту обнаружения разницы между полами. Фетиш или перверсия имеют финальной целью удержание либидинального инвестирования генитальных органов и возможность получения наслаждения посредством генитальной зоны или чего-то другого, появляющегося в результате регрессивного смещения.

Алкоголь же, даже если и выполняет роль фетиша в самом начале потребления, достаточно скоро приводит к исчезновению эрогенности генитальной области, все происходит таким образом, как будто эта область больше не обладает возбуждением и это возбуждение не подвергалось вытеснению. Цель психического события маленького мастурбатора, описанного Фрейдом, как будто бы теряется у алкоголиков, и мы можем предположить, что у них изначально другая цель – не отрицание внешней реальности (различия полов и опасность кастрации), а отрицание внутренней

реальности либидинального инвестирования самих генитальных зон. Вспомним в связи с этим слова Мишеля Фэна: *«Эротическое либидинальное инвестирование тела поддерживается лишь в условиях, когда такое тело естественным образом продолжается в психическом аппарате, топически сконструированном»*. Это наводит на мысль, что, возможно, причина такого состояния находится в более раннем периоде развития, еще до установления инвестирования генитальной области, так как данный процесс у алкоголиков претерпевает тотальную неудачу. Несомненно, существует внутренняя причина того, что потом будет проецировано на внешнее – на алкоголь, а именно травматические шрамы, из-за которых влечения не в состоянии связываться. Речь о внутренней реальности, при которой существуют немые и даже омертвленные части, о наличии которых ведомо лишь бессознательному и которые являются болезненной и непереносимой территорией в психике, постоянно подвергающей Я невозможности приобрести свою целостность. Взросление психики и появление перед ней новых задач лишь усложняют процесс попыток интеграции Я. И каким же образом возможно с этим справиться? Ответ приходит сам собой – посредством расщепления – которое (расщепление) еще и усиливается всякий раз, когда психика сталкивается с необходимостью синтеза Я, что для нее является невозможным. Придется вспомнить Ференци и его теорию ранней травмы – он ее изложил не по поводу алкоголиков, но вполне применимо и к приключившемуся с ними. Что расщепление есть результат непереносимости травмы, о которой невозможно забыть, как и невозможно ее перерабатывать. В случае алкоголиков встреча с алкоголем становится тем событием, которое позволяет ему хоть опосредованно соприкоснуться с расщепленным участком Я. Опять же мы можем вспомнить о специфичности психического времени, которое, как мы знаем, имеет более циклический, нежели линейный характер. Ведь психическое время не характеризуется последовательностью этапов или стадий, при которой каждая из них исчезает, чтобы освободить место вновь наступающей, а можно сказать, что каждая предыдущая стадия выживает и проявляется во вновь наступившей. Также психическое время характеризуется возвратом назад («регрессией») и новым прочтением, новой интерпретацией и последующим обогащением прошлого в свете настоящего. Это верно для стадий психосексуального развития (например, преобладание оральных составляющих при эдиповой истерической организации), но также верно и для нашей жизни в целом: прошлое присутствует в нашем настоящем, и наше развитие, как и наши новые достижения, возвращает нас в прошлое, чтобы по-новому его осветить. Понятие «après-coup» (последствие) является иллюстрацией этой особенности нашей психической жизни, и есть такие последствия, которые меняют нашу концепцию и даже сам опыт архаического переживания (Грин). В случаях алкоголиков при развитии и вхождении последнего в фаллический, а далее – в эдипов период психика вновь вынуждена сталкиваться с необходимостью принять новые внутренние и внешние условия психического существования человека – разницу между полами, кастрированность женщин, страх кастрации мальчиков,

и в конце концов появляется новый императив – необходимость интеграции частичных влечений под приматом генитальности. Другими словами – новый этап, при котором вновь необходимо сделать попытки интеграции Я. И вновь эта задача становится невыполнимой. Если обратиться к коллективному бессознательному, дающему метафорические ответы на почти все экзистенциальные вопросы, то можно вспомнить утверждение о том, что пьют «с горя». Мы, психоаналитики, можем уточнить – пьют от невозможности преодолеть горе, прорабатывать горе из-за сепарации с первичным материнским объектом. Опять же, если обратимся к клинике, откуда черпали теоретические познания все психоаналитики, то можем вспомнить большое количество пациентов, находящихся в симбиотических отношениях с матерью. А если еще и вспомнить про знаменитое «третьим будешь?», то становится очевидным, что такое поведение алкоголиков есть не что иное, как внешняя драматизация их внутренних переживаний, их внутренняя необходимость в появлении третьего, отделяющего их от матери, – потребность в Другом, Третьем, в Отце и его Законе.

Однако вернемся к теме расщепления. Причина того, отчего пьет конкретный человек в этой конкретной ситуации, заключается вовсе не в том, что у него алкогольное расщепление Я, а потому что он может справиться с теми психическими изменениями, которые происходят с ним, лишь с помощью своего Я, которое уже ампутировано расщеплением и из-за этого оно (Я) станет алкогольным. Это еще раз вынуждает нас утверждать, что не бывает единого расщепления, единожды и навсегда произошедшего, каждый алкоголик имеет свою индивидуальную причину расщепления своего Я, свою историю травмы, и даже если схематически эти травмы можно объединить под общим названием «нарциссическая дефицитарность» или же, применяя терминологию Грина, «нарциссизм смерти», то путь, приводящий конкретного алкоголика именно к алкогольному выбору, неповторим. Отсюда и особый результат индивидуальной психотерапии, а особенно – психоанализа – в случаях алкогольной зависимости. Таким образом, мы вправе утверждать, что зависимость, в том числе алкогольная, является выражением нарциссического страдания индивидуума.

О нарциссизме З. Фрейд начал говорить достаточно рано, и можно предположить, что основные постулаты данного способа функционирования он предложил в знаменитой статье «Горе и меланхолия» 1915 года, когда попытался объяснить особенности меланхолии. Фрейд в данной статье предложил новый регистр проблемы – не в области потери объекта, уточняя, что потеря объекта есть проблема горя. Меланхолия – явление другого порядка. При меланхолии объект был разочаровывающим. То есть при меланхолии мы сталкиваемся с нарциссическим разочарованием в первичном объекте. Такое разочарование создает ядро спутанности в субъекте, субъект более не опознает себя как результат отношения с объектами, тогда меланхолия становится не проблемой потери объекта, а проблемой потери субъекта. Необходимо вновь найти потерянный субъект. Первичный объект был инкорпорирован субъектом и в данном виде остается в его психическом. Мы находим в знаменитом труде

Фрейда не менее знаменитую его фразу: «Тень объекта падает на Я». Что это за тень? Мы знаем, что Я как инстанция ассимилирует все, что на него «падает», и именно из этого себя строит. Когда тень объекта падает на Я, Я больше не знает, что у него внутри от себя, а что – от тени. Именно по этой причине внутри субъекта возникает спутанность, которая, развиваясь, приводит к отчаянию и разочарованию. Нарциссическое разочарование – крайне травматическое чувство, это и есть то, что обуславливает болезненную нарциссическую рану. Она, эта рана, оживляет всякий деструктивный процесс, к коим, несомненно, относятся зависимости. И если в «Горе и меланхолии» Фрейд говорит нам об одной возможности разрушения – о суициде меланхолика, который призван избавиться субъект от ненавистного объекта, то немного позднее он раскрывает еще одну сторону деструктивности – уже связанную со своеобразной структурой Я субъекта, которое образовалось вследствие инкорпорирования в нем ненавистного объекта. В данном случае Я станет источником формирования следующей инстанции – Сверх-Я, которое будет отличаться необыкновенной жестокостью. И такое Сверх-Я будет наказывать уже не только за действия, но и за мысли как за реальные поступки. В статье «Я и Оно», в главе «Зависимости Я», Фрейд объясняет это следующим образом: когда объект находится вне субъекта, то он в состоянии оценивать лишь действия субъекта, а когда он инкорпорирован и находится внутри, то он в курсе того, что субъект мыслит, и наказывает за это. В конечном итоге З. Фрейд связал это с влечением к смерти и указал на четкую связь с нарциссическим разочарованием. В чем же состоит такое нарциссическое разочарование? Работы постфрейдовских теоретиков психоанализа доказывают нам наличие у младенца несколько другого пути психического развития, нежели предполагалось ранее. Известное представление о психическом состоянии новорожденного как о своеобразной *tabula rasa*, на которую можно написать все заново, не соответствует реальности. Оказалось, что новорожденный входит в жизнь с имеющимися уже представлениями и ожиданиями. Это было по-разному описано и названо, как, например: У. Бином – «преконцепциями»; Лапланшем – «потенциальностью»; Ж. Л. Донне – «виртуальностью», а С. Левобиси – «врожденной оснащенностью». Но, во всяком случае, ребенок рождается, и у него уже существуют некоторые ожидания и некоторые представления о том, что же он ожидает иметь в этом мире. Но все его ожидания и представления нуждаются в подкреплении и утверждении со стороны «окружения», того самого «зеркала материнского лица», о котором нам говорил Винникотт. Именно объект стоит между Я потенциальным и Я, которое строится в итоге. Нарциссическое разочарование и является результатом провала встречи между ожиданиями младенца и ответом, который дает окружение. Окружение разочаровывает его в фундаментальных ожиданиях. В самоощущениях ребенок получает опыт того, что Винникотт назвал «агонией» младенца. Обратим внимание на выбранное слово: древнегреческое *agonia* – «бой», «борьба», «душевная борьба». То есть это не пассивное принятие происходящего, а активная попытка избавиться от недовольства, которая, впрочем, может израсходовать все психические

силы и привести в лучшем случае к нарциссическому способу функционирования. Различной глубины, впрочем; в худшем – к смерти.

Однако важно, что встреча между субъектом и объектом случилась в разочаровывающем субъекта виде, что стало для него травмой, которую он будет пытаться перерабатывать всю свою жизнь, оживляя ее в навязчивых ее повторениях. Навязчиво повторяются те травмы, которые переживались во времена, когда субъект еще не обладал достаточной способностью к синтезу, то есть это все то, что происходило до появления языка, но у субъекта был доязыковой, телесный способ записи опыта и такой же способ коммуникации.

Таким образом, можно предположить, что расщепление устанавливается при столкновении с неким архаичным, телесным восприятием, схожим с тем, что Ференци описывает под названием «аутосимволизация»: *«Похоже, что в ответ на опасность часть Я отщепляется и становится аутовоспринимающей инстанцией, которая пытается самому себе помочь. Это может произойти в раннем и очень раннем детстве».*

Мы также можем попытаться концептуализировать такие психические переживания, отталкиваясь от «теории негатива» Андре Грина. Известно, что объект, абсолютно необходимый для структурирования психики, должен после этого действия стереться. То есть в данном качестве (структурирующий психику) его необходимо забыть; он останется как объект притяжения или отвержения. А в случае, когда невозможно «забыть» объект, происходит нечто вроде перверсии данной функции объекта; потому что истинным качеством объекта является его способность ошибаться. Именно поэтому Винникотт говорит о «достаточно хорошей матери», той, которая обязана ошибаться, не мочь приспособиться, иногда быть неадекватной. Ведь функция объекта парадоксальна – он обязан стимулировать, разбудить влечения и одновременно их контейнировать. И еще он должен дать субъекту ощущение того, что **всегда** существует **более чем один** объект. Все остальное приложится. Другими словами, «достаточно хороший объект» подготавливает субъекта к моменту необходимой сепарации таким образом, что этот процесс сопровождается вполне переносимым аффектом грусти и тревоги, а не отчаянием брошенности, как отправление в небытие. (В отличие от тревоги, такое отчаяние не поддается анализу, оно лишь требует, чтобы его существование признали. Отчаяние, прежде чем превратиться в опыт брошенности, покинутости, является определенным состоянием, состоянием новорожденного, беспомощного, неспособного выжить без посторонней помощи, использовать собственные ресурсы для удовлетворения своих первичных потребностей, как витальных, так и психических. Крик отчаяния требует лишь одного (невозможного) – найти что-то, чего никогда не существовало: значительную и непрерывную добродетель материнского присутствия, не ведающего, что такое материнская недостаточность.)

Когда же все происходит иным способом, устанавливаются «нарциссические отношения с объектом» или даже «наркомания объекта», что мы находим у алкоголиков. У них наблюдается то, что в психоанализе

принято называть «сверхценностью негативного аспекта отношений». Это происходит потому, что в опыте ребенка были травмы, с которыми он не смог справиться, ребенок не мог выдержать отсутствия своей матери, и в ответ у него развивается такое состояние, при котором именно ее отсутствие (негатив матери) становится единственной реальностью. Такой опыт распространяется на все психические структуры и более не зависит от будущего появления или исчезновения объекта. Это означает, что последующее присутствие объекта уже не будет влиять на полученную негативную модель, она (негативная модель) станет основной характеристикой опыта, пережитого субъектом. Негатив становится организующим объектные отношения, независимым от присутствия или отсутствия объекта. Винникотт описывает такое положение вещей в развитии ребенка в статье, касающейся переходных феноменов и объектов. Описанную ситуацию можно понимать двояко: либо как обратную сторону (негатив) структурирующего, положительного опыта создания переходного объекта и тех ресурсов, которые этот опыт предоставляет для процесса сепарации, либо (именно это является темой Грина) как отрицательное воздействие того негатива, который в потенциале своем был творческим, но страдание, отчаяние, беспомощность состояния негативности смогли быть переведены лишь в психический паралич. Однако такая беспомощность охватывает не только субъекта, но включает в себя и объект. Можно противопоставить эти два решения.

Первое, творческое, узнает на протяжении сепарации страх возможной потери и отвечает на это процессом создания внутриспсихического объекта – придается отличный, новый статус уже существующему объекту. При этом происходит включение в процесс одновременно и Я, и внутренних объектных репрезентаций. Психика не ограничивает себя лишь этим изменением – продукцией переходного объекта – и не лимитирует себя сверхинвестированием репрезентаций; психика отвечает на нехватку реальности, которой страдают репрезентации, учреждением фиктивной реальности, которую она смещает в другое пространство, отличное от пространства репрезентаций. Психика получает в свое распоряжение объект и возможность его воспринимать в данном пространстве и вызывать физические, а не только психические удовольствия. Важно, что такой объект не воспринимается как галлюцинация.

Второе же решение – опыт негативности возобновляется и заключается на самом себе. Психика придает отсутствию все атрибуты плохого, надеясь, что, если он предоставит себя в качестве жертвы, добычи для объекта, станет возможно появление позитива. Объект нагружается чувством вины, которая приводит к возвращению объекта, и – после того как этот объект уничтожается, даже прежде чем он воспринимается – идет попытка оживления объекта. Это происходит не в поле реальности, не в переходном поле или в поле репрезентаций, а в поле «сюрреального», исключительно аффективного воображаемого, созданного единственной силой жалобы. Такое функционирование основано на идентификации с первичным объектом, который выражает свое неудовольствие по отношению к младенцу, которому не предоставлялось ощущение безопасности.

Негатив негатива, недостаточность отсутствия, удвоенное присутствие, которое усугубляет страдания, а не прекращает его, и это вновь и вновь запускает болезненный процесс. Такое положение вещей имеет своей целью в конце концов сделать так, чтобы объект вышел из своего отсутствия. Демонстрация взаимного плохого отношения тут становится производителем фикции аффекта, который занимает место всех репрезентаций. Для достижения такого результата производится самоампутация Я, и это приводит к появлению чувства пустоты, пропасти, которая является не чем иным, как дублем – нечто вроде страдания, боли по самому себе, – который смог заключить себя в форму, которую нельзя никак репрезентировать, следовательно, она недоступна для какого-либо использования, потому что единственное, что можно использовать, – это нерепрезентабельность объекта (*невозможность репрезентировать объект почему-то становится у алкоголиков не такой невыносимой в момент, когда он встречается с алкоголем. В результате, по-видимому, происходит нечто, по внутреннему воздействию похожее на процесс репрезентирования, но этот процесс ложный, однако для психической экономики выгодный, и это приводит к необходимости его повтора*). Конфликт строится вокруг реакций, спровоцированных не-существованием объекта. Этот конфликт неразрешим, единственная возможность – искать, исходя из исчезновения самого Я, что пытается проделывать в своей душе алкоголик. В первую очередь – спецификой выбора своего объекта. Существует сходство между объектом-алкоголем и объектом-фетишем: если коротко, то объект-алкоголь в «работе горя» является тем же, что и объект-фетиш в работе кастрации. Прибегать к вещи (к алкоголю) для того, чтобы избежать боли, которая возникает при переживании зависимости от другого живого существа, пытаться заменить существо вещью, чью «инаковость» легче признать и отсутствие легче (?!) переносить.

Алкоголик активно отказывается быть субъектом своей истории, а хочет быть пассивной жертвой какой-нибудь вещи, алкоголя. Такую вещь возможно поместить вместо ускользающего в процессе сепарации первичного объекта, алкоголь станет эрзац-объектом и поможет избежать душевного страдания, неизменно сопровождающего работу горя по утрате объекта сепарации; а также такой объект, как алкоголь, обладает удивительной способностью быть всегда «под рукой», в руке, подвластным действию (именно действие, агирование – характерная черта алкоголика).

Действовать, а не переживать. «Заставить себя умереть, не умирать», – говорил нам алкоголик, чьи соматические ресурсы были практически исчерпаны. Тут уместно отметить присущее алкоголику *ордалическое функционирование*. Речь идет о поведении, содержащем принятие смертельного риска, при помощи которого субъект (как правило, подросток) пытается позиционировать себя как хозяина собственной судьбы. Мы подошли вплотную к смерти, которой играет алкоголик в попытке ее обуздать, нейтрализовать очередной дозой «воды жизни». Другими словами, мы сталкиваемся с работой влечения к смерти, которая выявляется в атаках на мышление, в тех самых «атаках на связи» (Бион), оставляя нам

кое-какие догадки по поводу того, почему же опыт ничему не учит алкоголика. Потому что он, алкоголик, не имеет истории с продолжительностью во времени, возможностью проработать свой опыт – ведь он своей ненавистью, исходящей из влечения к смерти, уничтожает все связи между явлениями, переживаниями, мыслями. Тот, кто работает с алкоголиками, знаком с ощущением полного застывания собственного мышления – возможно, это эффект проективной идентификации. В тот момент нас, нашего мышления более не существует. Именно это пытается транслировать нам алкоголик, его способ чувствовать себя субъектом – это «я не существую». Не существую, потому что этот мир слишком рано, еще во времена, когда только формировалась моя психика, разочаровал меня. Именно это слово – «разочарование» – мы находим в трудах Фрейда всякий раз, когда он говорит об алкоголизме.

Однако важно, что встреча между субъектом и объектом случилась в разочаровывающем субъекта виде, что стало для него травмой, которую он будет пытаться перерабатывать всю свою жизнь, оживляя ее в навязчивых ее повторениях.

При введении понятия «отрицание» Фрейд напоминает свою же характеристику невроза и психоза: «Полагаю, что важным отличием невроза от психоза является то, что при неврозе Я, подчиняясь реальности, подавляет часть Оно, а при психозах Я под воздействием Оно отделяется от реальности». Однако ни один из этих механизмов не срабатывает при хроническом алкоголизме, остается лишь внутреннее, телесное восприятие, которое примет статус внешней, а не психической реальности в момент встречи с внешним восприятием – алкоголем, который в данный, привилегированный момент даст субъекту ощущение единства Я, даже если это ощущение окажется ложным, – опьянение послужит попыткой связать внутреннее расщепление, устанавливая отныне его вовне. Возможно, что таким образом устанавливается экстернизация всего того, что было отщеплено в алкогольную часть Я, из-за того, что не смогло найти репрезентирования в психике. В эту внешнюю часть, как в «помойную яму», становится возможным «выливать» все неудобное, тревожащее и несвязанное, все то, что субъект творит – «но он же был пьяным!». Алкогольный сектор Я становится носителем ненависти к себе, а «помойная яма» отсылает нас к «анальности» алкогольного Я. По поводу ненависти к себе Фрейд пишет в письме от 9 февраля 1936 года: «Это может возникнуть по причине сильной ненависти субъекта к своему отцу и идентификации с ним; результатом становится расщепление и ненависть к себе». Ненависть к себе, как и разочарование и стыд, у алкоголиков заменяет чувство вины, которое появляется в результате решения эдиповых конфликтов. В связи с этим напомним об отсутствии у алкоголиков возможности идентифицироваться с имаго сильного и любящего отца, о неудаче прохождения пассивного периода доэдиповой гомосексуальности, которая не позволяет сблизиться с отцом и установить четкую сексуальную идентификацию, а также интериоризировать отцовский образ – защитника от архаической и захватывающей матери. В своих

актингах алкоголики могут перейти к манифестным гомосексуальным действиям, однако их смысл – не в утверждении отрицания различия полов (как у первертов) и получении, пусть и регрессивного, генитального удовольствия, а в попытке любой ценой противостоять смерти и умиранию любого влечения. В этом кардинальное отличие алкоголиков от первертных – там, где перверты не могут принять разницу полов, то есть не могут отличать мужское – женское, алкоголики пытаются провести демаркационную линию между мертвый – живой.

P. S. «Все то, с чем нам приходится сталкиваться, вся наша жизнь слишком тяжела, в ней много боли, много разочарований, много невыполнимых задач.

Без помощи седативов мы не можем все это выдержать».

З. Фрейд, 1930 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* Психика: структура и функционирование / Пер. А. М. Боковой. М.: Академический проект, 2007.
2. *Фрейд З.* Невроз и психоз / Пер. А. М. Боковой // Психология бессознательного. Собр. соч.: В 10 т. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
3. *Фрейд З.* Вопросы общества и происхождения религии. М.: ООО «Фирма СТД». Москва, 2007.
4. *Фрейд З.* Влечения и неврозы / Пер. А. М. Боковой. М.: Академический проект, Москва, 2007.
5. *Green A.* Narcissisme de vie, narcissism de mort; Les editions de minuit, Paris. 2007
6. *Green A.* La folie privée. Psychanalyse des cas-limites, Gallimard, 1990.
7. *Racanie P.-C.* De psychanalyse en psychiatrie. Paris: Payot, 1979.
8. *Rosenberg B.* Sur la negatin // Les cahiers du Centre de Psychanalyse et de Psychotherapie. 1981. N 4.
9. *Grunberger B.* Le suicide du melancolique // Le narcissisme. Paris: Payot, 1971.

Addiction (Alcoholic): an Attempt at Metapsychological Comprehension

A. I. Korotetskaya

Korotetskaya Aurelya I., psychoanalyst, psychiatrist, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the IPSO named after P. Marti, member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Vice rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistyepрудy.

A view at alcohol addiction as a manifestation of narcissistic disorder and an attempt to "self-medicate" to cope with narcissistic suffering are presented in this article. It is indicated how these violations are explained from the point of view of Freud's second theory of attraction.

Keywords: addiction, alcohol addiction, narcissism, disorder, drives, Z. Freud.